

И. П. Мамыкин, канд. филос. наук, доцент
Д. В. Баташев, канд. филос. наук
БГЭУ (Минск)

ЧЕЛОВЕК, ШАХМАТЫ, КОМПЬЮТЕР (К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ДРЕВНЕЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ)

Возрастание значения игры по мере культурного развития общества общепризнано. Шахматы, наиболее престижная и популярная интеллектуальная игра, представляет особый интерес. Вбирая в себя в концентрированной форме разнообразные достижения культуры, эта игра одновременно предлагает своеобразное видение мира, отображает важные социальные реалии (пусть во многом устаревшие и в крайне условной манере). *Homo ludens* (человек играющий) выступает в роли как активного начала, исполняющего свою волю, так и страдающего существа, беспомощной игрушки в руках судьбы. В шахматах есть своя глубина, и шахматная истина сродни научной. Развитие познания происходит как эволюционным, так и скачкообразным (революционным) путем, здесь наблюдаются и кризисные явления. Познание и использование закономерностей шахматной игры зависят от социальных институтов (система образования, средства информации). Все это осложняет оценку содержания игры, организации шахматной деятельности. Как и в других сферах познания, развитие шахматной мысли не лишено драматизма. Так, открытие принципов позиционной игры (В. Стейниц), важности психологии игроков (Э. Ласкер) в общем способствовало формированию реалистического представления об игре, мировоззренческих выводов о важности объективности и целенаправленности действий. Однако тенденциозная трактовка основ шахматной теории привела в начале XX в. к пессимистическим прогнозам о неизбежности «ничейной смерти». Эти прогнозы, как известно, были развеяны на основе теоретических изысканий и спортивных успехов А. Алёхина, А. Нимцовича, Е. Боголюбова, Р. Рети и других гроссмейстеров.

Особенно трудные испытания ожидали шахматную игру на исходе XX в. В числе факторов, особенно сильно ударивших по престижу шахмат, разработка и освоение компьютерных программ. Благодаря миниатюризации компонентов компьютера и оптимизации игровых алгоритмов шахматные программы (установленные на обычном компьютере) играют как шахматист с рейтингом Эло 3392 (для сравнения: рейтинг Эло Магнуса Карлсена (лучший на данный момент шахматист) — 2832). Такая разница в классе аналогична разнице между кандидатом в мастера и гроссмейстером.

Резонно сопоставить кризис шахматной мысли с кризисными явлениями в науке, что в данном случае кризис не связан здесь с оживлением агностицизма. Напротив, кризис возникает на основе бурного

проявления сознания и уверенности в скором исчерпании игры. Этот кризис еще более усугубляется общими пессимистическими настроениями в общественном сознании, которые не без оснований обозначаются термином «эндизм» (от англ. *end* — конец), включающим такие примеры, как «конец истории», «конец науки» и пр.

Здесь также надо учитывать, что в данном случае научная революция (а создание компьютерных шахматных программ является важнейшим научно-техническим достижением) предшествует кризису. Другими словами, познание идет не по Куну. Преодоление кризисных явлений возможно путем привлечения внутренних ресурсов шахматной деятельности, и такая работа уже началась. Вопреки паническим заявлениям происходит оживление шахматного движения. Вместе с тем есть основания сделать серьезные выводы о культуре в целом. Шахматы — слишком серьезная игра, и, думается, есть возможность более широко использовать эти результаты. Предстоит ассимилировать достижения в разработке алгоритмов, например для разработки возможных альтернативных планов. С точки зрения философии не лишено смысла повторное обращение к принципу «экономии мышления», который можно изучать почти в чистом виде.

*И. П. Мамыкин, канд. филос. наук, доцент
С. Н. Мизякина, канд. филос. наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ФЕНОМЕН ЭМПАТИИ (ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ И ВЫЗОВЫ ПРАКТИКИ)

Популярное в науке понятие эмпатии все же не приобрело четкого категориального статуса, что делает актуальным обращение к классическому философскому наследию для его концептуализации.

В общем плане эмпатия — состояние сопереживания эмоциональному и, шире, духовному настроению другого человека. В определенном ракурсе эмпатия предстает как субъект-субъектное отношение, связывающее наше самопознание с познанием Другого. И какой бы естественной не виделась человеку его привычка судить о сознании других путем сопоставления с собой, в действительности она является продуктом исторического развития, запечатленного в том числе и в философии.

В этой связи тезис Протагора о человеке как мере всех вещей правомерно трактовать как применение своей индивидуальной мерки для оценки Другого. А с учетом интерсубъективности и общезначимости ценностей в определенных сообществах это утверждение можно рентерпретировать и в объективистском духе, вопреки субъективизму и релятивизму Протагора.